

Зоя Живанова

Оглянувшись назад вдаль. На переломе

16+

Зоя Живанова
Оглянувшись назад
вдаль. На переломе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43120119

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман "Оглянувшись назад вдаль. На переломе" создан на основе воспоминаний. 1918 год. Россия делает разворот, ломая вековые устои, жизни и судьбы своего народа. Благополучная семья Солдатенковых уходит ночью, спасаясь, из горячей Юзовки. Они пробираются в центр России. Но разве можно было представить, что готовит им судьба? Какие испытания придется пережить?!

– Что истина?

– Что ты родился,

А в час назначенный уйдёшь...

*События и судьбы из воспоминаний очевидцев
и участников.*

Они жили в том времени...

1918 год для Юзовки был страшным. Войсковой Атаман Войска Донского Калядин Михаил Павлович 2(15) ноября издал приказ о введении военного положения. Были ликвидированы Советы, активисты с семьями высланы. Но противостояние началось. Восстание, вспыхнувшее 20 ноября, жестоко подавляли казаки атамана Краснова. Начались расстрелы, они шли без остановки днем и ночью. Любое появление казаков оборачивалось жестокой, беспощадной бойней. Восставших и поддержавших большевиков людей казаки беспощадно казнили. Повешенных не разрешали снимать. В городе появились бесконечные очереди за хлебом, паника и бесконечные звуки хаоса. Россия встала на дыбы и запылал в огне гражданской войны Донбасс.

Хорошая, налаженная жизнь у семьи Солдатенковых рухнула. Арина — высокая, статная женщина лет тридцати пяти стояла посередине большой комнаты, казалось, словно окаменела. Босые ноги не чувствовали тепла от персидского ковра. В больших зеркалах отражались блики огня с улицы. В доме свет не зажигали. Она видела, что Павел стоит у окна, он долго смотрит через тюль на улицу, на ночное небо в полыхающих пожарах. Он стоит неподвижно. Этот большой, сильный человек, лишь беспокойно сжимал и разжимал кулаки, и передергивал плечами, когда со стороны кирпичного завода доносились пулеметные очереди, на соседней улице, совсем рядом перестрелка, истошные крики, топот.

– Надо уходить, ждать больше нечего, только бы выйти.

«Надо было хотя бы в Турцию, – бормотал он. От сильного взрыва зазвенели стекла и хрусталь в шкафу... – Metallургический», – Павел передернул плечами.

– Затеяли бучу, сволочи, ломать – не строить. Что же делать?! Что же, что же?!

– Это администрация завода замутила и горняки тут как тут, и уже моряки.

– Разбирай теперь кто начал, другой вопрос: чем закончится? – Арина как во сне оглядывала комнату, что-то брала в руки, отбрасывала. Пожары разгоняли потемки, мимо окон понеслась конница, шла в галопе.

– Казаки, шашки на голо, – прошептал Павел, полуобер-

нувшись к жене. – Они за свою землю порвут, на чужбинку рот разинули, голодранцы. Казаки веками жили там на том берегу, их земли там, на чужой каравай... – Арина махнула рукой. Блики огня отражались в глазах, освещали бледное в веснушках лицо Павла.

– Э-э-х! Казаки своего не упустят.

– Да и мужики не лыком шиты.

– Бойню затеяли, сволочи, – пулеметные очереди и взрывы, загорелся соседний купеческий особняк, освещая черное небо.

– Николашка твой бросил народ, сволочи, что натворили!

Какую жизнь уничтожили, – запричитала уже, заголосила Арина.

Она схватила со стола тяжёлую вазу и запустила в напольные огромные часы. Осколки зазвенели, стрелки часов упали с осколками стекла.

– Цыц! – злобно прошептал Павел, – его вынудили...

Арина и дети услышали отборный мат. Арина удивилась и испугалась, она поняла больше нельзя медлить и надо принимать решение.

– В Кондреево, в деревню, там есть родня, а там видно будет. Уходим, надо быстро уходить. – она говорила уверенно: «Иначе поздно будет, надо уходить. Одеваемся и уходим».

– А это всё сожгут или растащат.

Они уходили второпях в эту ночь из красивого большого дома, бросив свою фабрику, которую уже растащили накануне.

не, сгорел склад... Павел с Ариной вначале от неожиданного краха растерялись, но вскоре поняли, что главное – жизни их детей и их самих. Уходили из горящего города, прихватив с собой самое необходимое.

Павел – высокий мужчина лет сорока закинул за плечи тяжелый вещь-мешок. Из-под большой лисьей шапки выбивались светло-русые волосы, некрасивое вспотевшее конопатое лицо гладко выбрито, взгляд голубых со стальным отблеском выпуклых глаз был сосредоточен, как у сильного человека во время опасности. Арина женщина лет тридцати пяти с тяжелым рюкзаком за спиной была под стать мужу, она одела в эту дорогу коричневый полушубок, новые меховые сапоги без каблука, она знала, что в центре России, там у нее на родине бывают морозы лютые. Она была предельно сосредоточена, говорила теперь тихо, но все слушали и выполняли её приказы. Арина почувствовала, как ребенок повернулся в животе, она торопливо приложила к животу ладонь.

– Господи, спаси и сохрани.

Павел с тревогой взглянул на жену. Двое их детей – Костя четырнадцати лет и Елена двенадцати лет тоже с вещь-мешками за спиной, оделись по приказу матери в теплые одежды. Семья отправлялась в далекую дорогу, подальше от ужаса, что пришел на их город. Они спешно свернули в темный переулок, второпях последний раз обернувшись на темные окна своего большого, вдруг осиротевшего дома. Арину бил

озноб, глаза слезились то ли от горя, то ли от гари. Ноги сделались как ватные, мысли путались, Арина зло передернула плечами: «Этого мне только не хватало». Семья навсегда покидала свое жилище, страх гнал их прочь. Дети плакали от страха.

– Нам только выйти б из города, только б выйти, – повторял Павел.

– Господи, спаси и сохрани, – шептала Арина.

Детей от страх бил озноб. Запах гари, слышны выстрелы, пожары освещали черное небо.

– Свят, Свят, Свят, – шептала, крестясь Арина.

Арина уводила свою семью от смертельной опасности, она верила, что там в ее далёкой деревне, вдали от бушующих войной городов можно переждать. Семья держала путь в сторону города Брянска. Железнодорожный вокзал встретил страшной картиной хаоса. Крики, истерики, испуганные лица людей попавших в жернова войны. В переполненном, нетопленном вагоне семья направилась в центр России, на родину Арины, в сторону города Брянска, в деревню Кондрово, что в двадцати километрах от старого купеческого города Карачева.

Ехали несколько суток, подолгу стояли на вокзалах, вооруженные люди врываются в вагон, паника охватывала людей.

– Это кто? – волновались люди.

– Будут грабить, – слышалось рядом.

Измученные лица людей, испуганные глаза детей, здесь был каждый сам по себе. Костя с Еленой сидел у окна. Снег падал на сгоревшие деревни, заснеженная степь. Рощи и леса – красивая зимняя сказка. Костя тихо прошептал сестре:

– Россия встала на дыбы.

Елена живо, громко продолжила:

– В огне березки и дубы, – но наткнувшись на взгляд матери, замолчала.

В город Орёл приехали рано утром, уставшие, напуганные. Павел с Ариной и их дети шли по заснеженному перрону Орла. Снег скрипел под ногами, морозный ветер обжигал лицо. Народу много с поклажами, туда– сюда снуют с тележками грузчики. Испуг и усталость на лицах. Проходятся военные в длиннополых шинелях и кожаных тужурках с винтовками. Проверяют документы у подозрительных, вновь прибывших...

– Большевики, – прошептал Павел.

– Тихо, – испуганно прошептала Арина.

Здесь не стреляли, это немного успокоило.

– Чем до Карачева добираться? – устало вздохнула Арина.

– А вон стоит, на Брянск через Карачев, – кивнул совсем молодой солдат с румяным от мороза лицом. Он постукивал ногу об ногу, нетерпеливо поглядывая в сторону вокзала.

– А вот Вам спасибо, – обрадовалась Арина. – Господи!

Слава Тебе Господи! – перекреститься Арина побоялась.

И тут все почувствовали невыносимое чувство голода. За всю дорогу они забыли о еде. Усталость и страх отбили все другое. Павел с Ариной переглянулись и облегченно вздохнули, дети почувствовали, что родители успокоились.

– Есть хочу, – сказала решительно Елена.

– И я хочу, – сказал Костя.

– Все хотят, – разозлилась Арина, – видите сколько вокруг голодных. – Есть будем в Карачеве, – решительно заявила Арина, – потерпим, немного осталось.

– Вот, – Арина незаметно сунула всем по мятному леденцу.

– Да-да, ещё неизвестно чем Карачев встретит, – вздохнул Павел.

– Посмотрим, – Арина положила леденец в рот.

Карачевский уезд в этот период был единственным мирным островком среди бушующего моря контрреволюции. Продовольственное положение в это время было очень тяжелым. Разруха охватила и сельское хозяйство. Все внимание карачевских большевиков было направлено на оборону города и уезда. Жители самоотверженно трудились над восстановлением города. В Карачев прибывали и прибывали части Красной армии, рядом был Деникинский фронт. А жители города с большим подъемом проводили Коммунистические субботники. Население Карачева с начала революции сократилось наполовину.

– Ну вот, почти добрались, – Арина направилась к двери большого карачевского железнодорожного вокзала, – воды надо в дорогу взять, доедим до Вшивки (Вишневки), а там ..., – Арина запнулась у двери в вокзал Первого класса, но выходящий военный, учтиво придержал перед ней дверь. Арина успокоилась, помещение было заполнено народом всех сословий.

Извозчик лихо щелкал кнутом, лошадь шла рысью по булыжной мостовой.

– Город красивый, богатый, – кивнул Павел.

Прохожие неторопливо шли по широким тротуарам, работали магазины.

– Это Козельская улица, здесь вроде спокойно, – прошептала Арина.

– Кто его знает, – сказал задумчиво Павел, – неизвестность.

– Не, у нас уже успокоились, – засмеялся извозчик, – буржуи сбежали, только со жратвой не очень.

– Ну и чему веселишься, дурак? – не выдержала Арина.

Павел приложил палец к губам. А мужик не обиделся, радостно помахал рукой кому-то.

Деревья стояли в сверкающем синевой инее, заснеженные особняки, вот и парк Дворянский, высокие сугробы вдоль расчищенных дорожек. Арина вспомнила этот красивый купеческий город, она еще ребенком приезжала сюда с родите-

лями за обновками. На базаре тогда была большая торговля, играли гармошки, сколько народу! Подковы звонко цоколи, лошади шли рысью, родители улыбались, поглядывая на маленькую Арину и сына Васю. Дети сидели среди многочисленных узлов с покупками.

Елена смотрела на незнакомый ей город, Карачев был совсем не похож на ее город. Здесь не было войны. Он был совсем другим этот старый купеческий город. В морозном воздухе пахло свежим хлебом. Над заснеженными крышами домов и больших особняков струился дым неторопливо в лазурный небосвод. Солдаты в длинных шинелях с винтовками тоже куда-то шли. Большая Дворянская улица широкая. Аккуратно ухоженные деревья огорожены дощатой решеткой, чтоб не сломали. Извозчики лихо щелкали кнутами, звонкий цокот копыт по замерзшей булыжной дороге.

– Никола, – прошептала Арина, – слева большая церковь сверкнула золотом в морозной синеве.

– Работает ли? – Павел пожал плечами.

Вот пошли по обе стороны двух, трех этажные купеческие особняки из красного кирпича.

– Богатый люд жил, – кивнул Павел.

– Город купеческий, – откликнулась Арина.

– Вот и поворот на Вшивку, – извозчик натянул вожжи, – приехали.

– Ну, пошли, сказала Арина, – может, повезет, кто подбро-

сит.

Страх уже отпустил семью, появилась усталость, шли молча по накатанному санному пути. Началась метель, дороге заметала поземка. А вокруг заснеженные поля без конца и края.

– Дикие места, – вздохнул Павел.

Арина промолчала, она прислушивалась к себе, ребенок толкался, ныла спина.

Дорога уходила далеко вперед, к горизонту. Дети устали, лица

разрумянились, они вопросительно поглядывали на родителей. Да и Арина с Павлом тоже устали. Мимо проносились подводы, люди возвращались с базара. Одна из подвод все же остановилась. Мужик в полушубке, в шапке, завязанной под бородой, махнул овчинной рукавицей:

– Садитесь, подвезем до Чернево, вот с сыном ездили за обувкой. Путники поспешили на приглашение, удобно расположившись на душистом сене.

– Чьи будите? Куда путь держите? – обернулся к попутчикам мужик.

– В Кондреево, к сестре, – нехотя отозвалась Арина.

– Далек, путь не близкий, – сказал мужик и замолчал.

– Да-да, – вздохнул Павел и, отвернувшись, задумался:

«Дети устали».

– К чему беспокоить, люди есть люди, – подумал Василий и посмотрел на сына тоже Василия: «Вырос сынок, уже двенадцать, вон как на девочку посматривает. А девочка хорошенькая, сын имеет хороший вкус». Аромат душистого сена, сани шли в разлет, дети быстро уснули. Ребенок тоже успокоился, Арина задремала.

Лошадь резво пошла с Горы-Грязь, рысью неслась по широкому большаку, деревня большая. Василий натянул вожжи:

– Нам направо, вам еще километров тринадцать. Дорога неблизкая.

Семья стояла на краю большака, впереди еще дальняя дорога. Снег повалил хлопьямию.

– Надо спешить, день короткий, – сказала Арина и пошла по знакомой ей дороге с детства.

Серафима задернула занавески на окошках, ранние сумерки озарял пожар, горели амбары на краю деревни, с логов доносились ружейные выстрелы. Серафима размашисто перекрестилась на Красный угол, по строгим ликам на иконах вихлялись блики от лампадки

– Господи, спаси и сохрани, – неистово повторяла женщина лет сорока, трое малолетних девочек сидели на лавке в Красном углу, страх матери передался им. Огненные тени побежали по стенам. В дверь с улицы громко постучали. Серафиму сковал страх, дети заплакали громко, в голос.

– Сима, это я, сестра твоя Арина, – услышала перепуганная женщина.

Серафима отбросила засов, из темного проема двери тяжело упала ей на грудь заснеженная женщина.

– Наконец-то, – выдохнула Арина, – Встречай Сима. Я вернулась совсем с семьей. Еле добрались, устали, – она тяжело опустилась на лавку.

Сестры давно не виделись, родители отправили Арину учиться, она быстро вышла замуж. Лицом Арина была не красива, высокая, но внутренний «стержень» ее заметил Павел. Властная, крепкая, уверенно пошла за не очень красивым парнем, но он был из состоятельной семьи, такой, же настырный, как она. Он привез ее в Юзовку в большой каменный дом. Все им было по плечу, вскоре родители Павла доверили управлять фабрикой молодым. Коммерческая хватка Арины проявилась сразу. Рабочие уважали ее за порядок, надежность. Производство процветало. Родители Павла приняли фабрику от своих родителей, а те от своих. Это было уже сильное производство. Юзовка была промышленным городом, с красивыми зелеными улицами, парками. Многочисленные рынки, магазины, лавки завалены товарами. Дети учились в гимназии, учились хорошо, родители за этим следили строго. В доме достаток, родители работали. Хороший теплый климат, изобилие фруктов и овощей делали край благодатным. Но пришло время революций и старый уклад, и устои рушились, хаос революции перерос в Граж-

данскую войну. Поднялись казаки за своё. Юг России был в огне.

Керосиновая лампа тускло освещала неожиданных гостей. Девочка устало присела на край лавки и прислонилась к стенке. Мальчик стоял, прислонившись к косяку входной двери. Павел снял лисью шапку, взглянул на иконы в Красном углу и стоял, опустив голову, волосы прилипли ко лбу. Серафима была сражена наповал неожиданным приходом гостей. Гости сбросили уже свои поклажи в угол.

– Приюти нас сегодня, нам идти не куда,– сказала решительно Арина. – Жилье нам надо искать, сегодня переночуем у тебя,– добавила она, развязывая мешок. – Твои? У тебя трое? – кивнула Арина в сторону детей? А где сам?

– Ушел вместе с сыном, а ему шестнадцать, в Красную Армию вступили,– Сима громко заголосила: «Что будет? Что будет?».

– Да-да, – тяжело вздохнул Павел.

Арина, молча, высыпала булочки с маком на стол, положила большой

пакет фиников и коляску сухой колбасы.

– Скатерти нет?

Сима молча, кивнула, она ещё не пришла в себя и растерянно смотрела на неожиданных гостей. С сестрой давно была связь потеряна и вот, она сразу и не узнала свою сестру.

– Поставь самовар, – Арина достала пачку чая и пакет са-

хара. – А это вам, – Арина обернулась к девочкам, положив на стол горсть длинных

леденцов в прозрачных фантиках.

Елену разбудил шепот и смех, она открыла глаза, рядом три незнакомые девочки, увидев, что она проснулась, радостно взвизгнули и «слетели» с теплой печи. Окна замуровал мороз узором. Он красиво искрился на солнце, ударили морозы.

– Костя, – Елена позвала брата.

– Они пошли насчет дома, – отозвался он.

Костя смотрел в окно, лицо его было строгим.

– Что дальше? Как жить будем? – тихо растерянно спросил он, обернувшись к сестре. – Кругом глушь, дикие места.

Елена пожала плечами. Она взглянула строго на смеющихся девочек, хотелось одернуть их: «Голодранки, дурочки», – но промолчала.

«Где у них туалет?» – подумала Елена. Старшая девочка перехватила взгляд:

– Уборная на улице.

– Я провожу, – сказал Костя.

Морозное утро заснеженное, деревья в инее. Над хатами

из труб поднимался дым, и здесь пахло свежеиспеченным хлебом. Снег скрипел под ногами. На улице пустынно, Елена видела, как в хатах напротив вздрогнули занавески. Костя стоял переминался у порога, Елена молча прошла в хату.

– Умыться где? – спросила она, обращаясь сразу ко всем.

Старшая девочка поставила таз на табуретку и зачерпнула большой кружкой воду в ведре. Младшая подала рушник. Елена расчесывала свои волосы, они у нее были по пояс густые, золотистые.

– Рыжия, – прошептала младшая и хихикнула. Елена даже не обернулась.

В сенях послышались голоса, дверь распахнулась и вместе клубами мороза появились родители. Елена сразу не узнала мать, она была в поношенной плюшке и клетчатом полушалке.

– Значит так надо, – подумала девочка.

С ними зашел в хату незнакомый мужчина, красивое благородное лицо было сосредоточенно, аккуратно пострижены седые волосы, одет он был в добротный полушубок.

– Ну, здравствуйте, мои дорогие племянники! Как Вы тут? Это Елена? Константин?

– Спасибо, все хорошо, – чуть с поклоном ответил Костя.

– Ваш дядя Василий Иванович, прошу любить и жаловать. Мой брат, – пояснила Арина детям.

– Ну, что? Пора завтракать? – сказала Арина, – накрывай, –

она обернулась к сестре.

– Ну как? Выспались? – обратился Павел к детям.

– Сейчас придет подвода, едем смотреть наше новое жилье. Хата не плохая, теплая и сторговался не дорого. Люди мечтают, а что метаться?

Павел, казалось, успокоился, оказывается и здесь родственники даже есть. Но это было внешне.

– Дикая места.

– Судьба вон как развернула, выбила из привычной колеи, где было всё привычно, был свой ритм и свои задачи.

– Удалось уйти из той страсти, спаслись.

– Надо осмотреться, народ дремучий, вон из-за шторок наблюдают.

– Хата тёплая, к весне появится малыш.

– Надо опираться пока на Василия Ивановича.

А Елена молчала, спазмы перехватывали горло, она сучала по подругам, по тому их дому, по родному городу, где родители были совсем другими. Елена видела, что и брат переживает. Родители же в тяжелейшей, сложившейся ситуации уверенно и точно создавали теперь жизнь семьи здесь вдалеке от городов. Она видела, как вечерами они, сидя за столом, молчат и вздыхают. Елена тайком плакала. Родители качали головами, увидев покрасневшие глаза у детей.

Семья Солдатенковых поселилась в небольшой хате в деревне Кондреево. Деревня большая раскинулась среди лугов и полей на возвышенности и в низине. Помещики загодя

уехали за границу, бросив усадьбы. Богатый люд тоже уехали, а кто в армию Деникина воевать за свое пошел.

– Ну здесь хоть отдышаться можно, – повторял Павел, – детей в школу, скоро родишь, будет чем заняться.

Арина поглядывала на мужа и соглашалась. Она оглядела новое жилье, сени, чулан и в хате столовая с кухней, большая русская печь, за перегородкой зала со спальней. Семья молча присела на большую скамью в Красном угле. В сенях стукнула входная дверь, в клубах холода появился Василий Иванович.

– На первое время, – он сбросил с плеча тяжелый мешок, – Картошка, морковка, капуста, а это сало, – он положил на стол большую полоску. – На днях опоросится свинья, дам поросят, иначе нельзя, с кормом поделюсь. Нужна корова, – он взглянул на Арину.

– Без нее здесь тоже нельзя. Дам пару подушек и одеял. Да, замашки свои бывшие надо забыть, опасно, ещё неизвестно, как повернет.

– Арина, затопи печь, дрова есть.

Василий Иванович был уважаемый человек в деревне, он был образован, из хорошей семьи, но время было другое и надо было выживать.

– Перезимуем, а там посмотрим.

В расписанные морозом окна, заглядывало зимнее солнце. Арина стояла у окна, она царапала ногтем промерзшее

стекло. Три старые березы под окном в инее, он сверкает голубыми огоньками и бескрайние просторы, уходящие вдаль к горизонту тоже искрились и слепили глаза.

– Россия огромная, бескрайняя... Что сволочи натворили?! Все сломали, – Арина передергивала плечами, тихо плакала.

В печке трещали дрова, приятное тепло уже пошло в хату. На улице ни души – хороший хозяин собаку не выгонит из дома. В чугунке варилась картошка, в сковороде уже на загнетке яичница с салом. Дети проснулись, им не хотелось слезать на холодные полы.

– Шаром покати, голову прислонить некуда, как же нам быть?.. – Арина спрашивала то ли себя, то ли еще кого.

Ее еще не покидал шок от происшедших перемен, когда вдруг рухнула из под ног опора, уверенность в завтрашнем дне, когда утеряно то, что было надежным и главным для семьи. Увидев, что дети готовы заплакать, она успокоила их и себя:

– Главное, что все живы. А там, что Бог даст.

В сенях послышались шаги:

– Отец, – Арина пошла на встречу.

Дверь распахнулась и в хату с волной мороза вошла вначале большая, пушистая елка. Отец улыбался:

– Будем встречать Рождество.

За шесть лет семья Солдатенковых уже смирилась с крутым разворотом Судьбы. Разговоры о былой жизни строго были запрещены, то их благополучное прошлое сейчас надо было забыть, просто жить по их правилам, иначе конец, дети помнили тот страх, когда уходили ночью из родного города охваченного огнем гражданской. Та страшная ночь, пулеметные выстрелы, взрывы, зарево пожаров и побег, когда пришлось оставить свой красивый, большой дом, и сад, свою обеспеченную жизнь, свою канатную фабрику. То страшное «путешествие» в неизвестность среди хаоса и звериных инстинктов, выжить и отдышаться. Павел с Ариной знали, что надо приспособливаться к новым поворотам судьбы, надо выживать, сберечь детей. Они бежали, как звери из горящего леса, спасаясь на авось. У них была хорошая хватка и в этой новой жизни, эта порода таких людей способных в минуту опасности сгруппироваться. Павел быстро стал уважаемым в деревни человеком. Он, как зверь загнанный в угол, приглядывался, искал возможности не погибнуть семье, он умело вел все дела, что касалось его семьи, помогал другим, уверенно работал с документами.

– Наконец-то отдышался, теперь у нас новое русло, будем теперь жить так, деваться некуда. Человек привыкает ко всему, – Павел опять долго смотрел в окно, на луга и косогоры заросшие орешником, на поля уходящие к горизонту.

– Машина какая, страна наша, а развернули в другую сторону быстро, даже на повороте почти не занесло, шустрый

мы народ.

– Ага, только сколько полегло народу, сколько уехало из страны, половину? – Арина стояла рядом и тоже смотрела на рано пришедшую осень.

– Да-да, половину, – кивнул Павел, взглянув на жену. – Раньше барыня была, платья из шелка носила, а теперь, – но Арина прикрыла ему рот ладошкой. Павел обнял жену: «Ты самая – самая родная».

Арина каждый год была беременной, занималась детьми. Вечерами к ним заходил на огонек Василий Иванович, взрослые ставили самовар и чаевничали, говорили, молчали и опять говорили. Самовар кипел, вкусно пахло чаем. Жизнь продолжалась, Елена успешно закончила шесть классов в деревенской школе, став уже барышней, густые золотистые волосы заплетенные в косу до пояса, платья из шелка шила ей Арина сама к Пасхе и Духову Дню. Елене приходилось помогать матери. Ослушаться было нельзя, Арина обо всем докладывала Павлу. Костя отучился два года в военном училище и прислал письмо, что скоро приедет на каникулы. Павел был доволен сыном:

– Офицер, грамоты дают, уверенно шагает по жизни. Да и в кого ему быть ничтожным? – Павел вздыхал и опять глядел тоскливо вдаль, казалось там за горизонтом то прошлое безвозвратное.

Посевную в колхозе уже закончили и все готовились праздновать Святую Троицу, правда теперь ее называли по

новому – Березка.

Вечером Павел принес охапку березовых веток, листья еще молодые, нежные хорошо пахли.

– Украшайте, – он кивнул жене и детям и аккуратно положил ветки на порог.

– Так завтра праздник, завтра и украсим, – возразила Арина, но наткнувшись на взгляд мужа согласилась, – сегодня вечером и украсим.

– Уснул, – сказала Елена, еле закачала, зубки режутся, плакал.

За руку она вела трехлетнюю девочку Лизу. Девочка плакала.

– А ты чего, – строго спросила Арина и взяла дочку на руки, испуганно коснулась губами лба ребенка, – Так она вся горит, – прошептала она Павлу.

Павел забрал из рук Арины дочь, прижал осторожно к себе, сдвинул у нее со лба волосы. Девочка обмякла и стала задыхаться. Арина и Елена заголосили громко, ужас сковал и Павла. Отец бежал по деревне на руках с дочерью: «Хотя бы медичка не ушла, Господи, Господи», – умолял он. Валентина была на месте, она поспешила навстречу и приняла на руки девочку. Медичка испуганно взглянула на Павла и заплакала в голос. Павел почувствовал, как подкосились ноги, качнулось небо, похолодела голова. Ему хотелось закричать, но голос пропал, все внутри окаменело.

– Вот и еще один год прошел,– сказала Арина глядя в маленькую проталинку в морозном окне.

– Сколько снега намело, небо очистилось, мороз крепчает, —приговаривала Арина, поглаживая уже большой живот. Павел лежал на печи, он тяжело кашлял, от горячих кирпичей ему было легче, казалось, что они вытягивают простуду.

– Лена, сегодня тебе по воду идти. Больше некому. Вечером должен приехать Костя, сообщи подругам, что завтра у нас устраиваем танцы, а то совсем раскисли от скуки,– крикнула вслед дочери Арина.

– Сейчас поставим самовар, чай пить будем. Тебе с малиной, хочешь с медом? – кивнула Арина мужу. – Вон медичка порошки занесла, пей.

Арина видела, как Елена пробирается по занесенной еще вчера расчищенной Павлом дорожки, затопая в снегу по самые голенища валенок:

– Как бы галоши не потеряла в сугробе, – заволновалась Арина, – ну и морозяка, – Арина передернула плечами.

– Тося, почитай-ка сказочку Васильку, да и мы послушаем,– Арина подала дочке уже зачитанную толстую книгу сказок. Павел поглядывал на жену и улыбался:

– Ну и заводная, сколько у нее сил на все.

– Ленке придется сходить по воду еще раз, а то и два, на тебя надеяться пока нечего, – Арина знала, что все в доме прислушиваются к ее разговорам и не ослушиваются.

Лена с утра помыла полы в хате, с залы все табуретки и

стулья перенесла в столовую, оставив один стул для гармониста. Костя просился в помощники к сестре, но она решительно запретила:

– Возьми гармонь, забыл наверное, придется вспоминать. Ты сегодня у нас гармонист.

Павел с Ариной чаевничали с ними сидели за столом Тося с двухлетним Васильком. Тося дула на чай в блюдце и пила в прикуску, а Василек с голубой кружечки, ее привез Костя в подарок маленькому братишке.

– В чугуне теплая вода, налей в таз и обмойся, мыло земляничное на полке, – обернулась к Елене мать.

Зимний день короткий, вот уже и сумерки опустились на деревню. Во дворе лениво залаяла Пальма. С клубами мороза в двери появились первые гости, они вежливо поздоровались с хозяевами. Арина указала на скамью:

– Складывайте полушубки и проходите.

Костя заиграл на гармошке и запел до того красиво и озорно. Арина узнала двух парней: «А кто с ними?» – она вопросительно взглянула на мужа. Павел пожал плечами. Гости приходили и приходили. Елена в голубом бархатном платье, это тогда покидая тот свой дом Арина засунула в рюкзак это свое любимое платье. Вот и пригодилась, совсем в пору, и рыжая коса ниже пояса, невеста Ленка. Арина заметила, что незнакомый, невысокий паренек танцует с дочерью уже в который раз, не отпускает от себя. Арина махнула ей рукой, Елена подошла, раскраснелась от танцев, жарко.

– Это чей? – перебила ее Арина.

– С Чернево, Закатов Василий. Он здесь в гостях.

– Ну иди танцуй, а то жених заждался, – засмеялась Арина.

– Это что? Костя на Маришку заглядывается?

– И та-то лахудра глазки ему строит. Этого нам только не хватало, вся природа их никудышная, голодранцы, ну и Костя! Поговори с ним, – Арина даже толкнула локтем мужа в бок.

Павел закашлялся:

– Успокойся, не шуми, потом, куда эта босота лезет?

– Да и он хорош, сколько девок.

Павел налил себе в стакан чаю, отлил в блюдце и стал пить не торопясь, маленькими глотками, без сахара, глядя на морозный узор окна, мысли были его далеко, он опять вспомнил ту другую жизнь, о которой и говорить было нельзя. Фабрику свою, рабочих, которые с уважением кланялись ему при встрече. А Арина, как она управлялась в производстве, строгая, но справедливая. Дом каменный с большим садом, Костя и Лена с няней гуляли, маленькие, смешные, только жизнь налаживалась.... «Жена с дочерью в шелках ходили. Все сломали, весь труд, все мечты. Как живы остались?»... Павел размашисто перекрестился на Красный угол. Арина молча поглядела на мужа, тяжело вздохнула и неотрывно продолжала смотреть за Еленой.

– Где они лучше? Тут не до фасона.

– Деревенщина, но видимо семья крепкая, вон и держится с достоинством. Да и невеста на навозе выросла, – хихикнула Арина.

Павел строго взглянул на жену: «А ты бы здесь лучше помолчала, приволокла семью в тьму тараканью». Арина отвернулась: близок локоть, да не укусишь, ошиблась, сколько можно? Одно и то же.

А вскоре пожаловали в дом Солдатенковых сваты. С саней запряженной тройкой вороных первым соскочил Василий в полушубке, в лисьей шапке, он помог сойти матери, статной красивой женщине.

– Мать, – прошептала Арина мужу. Отец Василия уже привязывал вожжи к изгороди, с ними еще были два парня и сестра жениха Екатерина. Разрумяненные морозом, все-таки тринадцать километров среди заснеженных лугов и полей, но санный путь был хорошо накатан и тройка всю дорогу шла рысью. «Купец» пришелся по душе родителям Елены, да и сваты не лыком шиты, сразу видно природь хорошая.

– Да и не до фасону теперь, что в приданное? Сундук с добром, да коса до пояса, – ухмыльнулась Арина.

Павел не ответил. Был назначен день свадьбы. Гуляли весело, со стороны невесты был ее дядя, брат Арины Василий Иванович с семьей, Арина гордилась братом, он выделялся среди гостей благородной статью, он был с молодой женой красавицей лет тридцати и двумя взрослыми дочерьми от первого брака. Была и сестра Арины Серафима с двумя

взрослыми дочерьми. Закатовских было много, люду собралось порядочно и с соседних деревень. Костя взял из рук гармониста гармонь и заиграл с переборами, залихватски, свадебные застыли в изумлении, Костя заиграл цыганочку с выходом. Тут и понеслось, Павел не выдержал, встал, одернул пиджак и направился к дочери. Марфа набросила Елене на плечи турецкую шаль с кистями. Они танцевали, а круг для них гости делали шире.

– Какой веселый и хороший народ, — думала Марфа, любуясь парой. Она мечтала и молилась за сына и вот такая жена, природь вон всем на зависть.

Отец жениха узнал и Павла, и Арину, это их много лет в пургу подвозил, вот и девочка та выросла, теперь жена его сына. Василий молча курил на пороге: «Люди пришлые, дело темное и спросить нельзя». На порог вышел Павел, закурил. Народ стоял во дворе, пришли и с соседнего Хотеньшино.

– Ты не волнуйся, сват, дочь любимую в вашу семью отдаю, не обижайте. Вашему Ваське повезло, да и вам, — Павел затянулся папиросой, — надо народ угостить, пусть женщины вынесут банку самогона и закуски.

«Замашки не забыл барские», — подумал Василий, но улыбнулся и кивнул.

Елена была счастлива, она переехала в небольшой дом на Чернево. Муж веселый, вроде покладистый, да и домик отдельный подарен от родителей мужа нравился Елене. Све-кровь все улыбается, довольна. Елена наконец-то освободи-

лась от властной матери, это она строполила отца. Арина властная, даже Павел не перечил ей. Дети воспитывались в строгости. Теперь Елена молодая хозяйка, муж ее любит и ценит и они теперь вдвоем с ним в этом уютном домике. А деревня тоже красивая, зеленая, дорога уходила вниз на небольшой луг к речке Снежень. Свекор со свекровью жили рядом в соседней большой хате. Марфа сразу полюбила невестку, она старалась помогать молодым, она видела, что ее сын любит Елену. Свекор был строг, но не вмешивался в жизнь молодых. Невестка видная, хваткая и это ему нравилось.

В Закатовскую природь влились два сильных рода: Губины с деревни Голубино и Солдатенковы. Марфа Губина была не только красавица, но и очень хорошая хозяйка, рукодельница, от зари до зари управлялась по хозяйству, осенью начинала прясть, ткать, вышивать, шить и все у нее получалось, и все она делала с удовольствием. У кого в хате было «шаром покати», а в хате у Марфы в Красном Углу и на портретах самотканые рушники в красивых вышивках красно-черным крестиком и с тонким красивым кружевом, полы застелены новыми половиками, постель в кружевных подзорниках и накидках. Белье у мужчин и женщин тоже из тонкого полотна, его она отбеливала в лугах на росе. Вот теперь и Елена, сильный характер, энергичный и красавица, чувствовалась порода. Марфа сразу заметила, что повезло с Еленой. Две эти женщины сделали семью сильной и зазвуч-

чала фамилия – Закатовы. Хотя другие семьи Закатовых ничем себя не проявили, так «голь перекатная».

Елена заметила, что не все деревенские рады ей. Дунюшка казачихина тяжело переживала женитьбу Василия, она давно любила его. Радовалась, когда на танцах он ее приглашал, потом вместе шли с клуба, говорили, Василий что танцевать, что поговорить шутя ни о чем любил, получалось у него все это легко. Он, поравнявшись с ее хатой, хлопал ей по плечу: «пока», – и шел домой. Дунюшка надеялась, Василий знал о ее любви, и это его тяготило, он нравился и другим девушкам, а полюбил Елену. Он вспомнил ту хорошенькую девочку, уставшую и продрогшую с ее семьей, это их они тогда зимой подвозили с Карачева.

– Пришлые, – это сказал отец тогда им вслед, когда они пошли дальше по дороге занесенной поземкой.

– Еще тринадцать километров добираться до Кондреево, горе да и только, издалека, не наши. Мальчик вспоминал ту хорошенькую девочку, он мечтал о ней, хотя отец тогда кивнул: «барынька, рот не разевай».

Лето знойное 1926 года, хотя уже август, работа кипела в полях и лугах.

– Зима спросит где лето было, – любила повторять Марфа.
– У тебя зима спросит и где осень была? Неугомонная, –

смеялся свекор Василий. Большая скирда сена уже стояла за хатой, большую копну сена Василий закинул на потолок про запас. Положил туда же несколько снопов соломы для антоновки, тогда к аромату сена добавится аромат антоновки.

– Какой аромат, дышал бы и дышал. Елена скоро вот-вот родит. Опять на огороде, картошку взялась окучивать, вот неугомонная, – всплеснула руками Марфа.

Василий рядом во дворе отбивал косу:

– Елена велела обкосить траву вокруг соток.

Марфа растерянно взглянула на сына:

– Зачем она лезет с работой? Ей вот-вот...

Сын пожал плечами.

– Эх-эх, – Марфа махнула рукой, – Лена, я на речку полоскать белье, идём поможешь.

Елена сняла сапоги, приятна была босым ногам, теплая дорога и трава-мурава. Две женщины – свекровь и невестка пошли к речке Снежке, проходя мимо соседского крайнего дома, Марфа наклонила голову и прошептала: «Ведьма безноса у окна».

Бабку Ульяну боялись все деревенские, люди знали её страшную историю. Марфа опять рассказала Елене как умирающий свекор-ведьмак подозвал молодую невестку Ульяну, что – то шептал, поманил наклониться и укусил за нос, так он передал ее свою колдовскую силу. Однажды даргинские ночью возвращались с танцев и на краю деревне из кустов вдруг выскочила белая лошадь. Она стала кидаться

на людей, вставала на дыбы. «Ведьма», – закричали девушки. Парни не растерялись, выломали с изгороди колья и стали бить лошадь, били наотмашь, лошадь упала и они побежали в ужасе к речке по дорожке, к мостику без оглядки. Потом пошел слух, что Ульяна вся синяя на печке лежит охает.

– Свят, свят, свят, – Елена ускорила шаг, перепрыгивая маленький ручеек, здесь деревенские дети брали голубой глей и лепили камешки, сушили на солнце, потом играли в них. Аромат разноцветия и сочной травы прогнал все плохие мысли.

– Как хорошо! – засмеялась Марфа. Слева от дорожки на лугу ходило большое деревенское стадо. Женщины пошли вдоль дорожки вправо вдоль реки, ивы наклонились, окунув в бегущую воду ветви. Река здесь узкая и быстрая. А вот и доска у воды, на ней и стирают деревенские женщины белье.

– Лена, присядь на травку, – Марфа, окунула в воду постилку и бросив на доску стала бить по ней с размаху пральником. Эхо летело через речку, через даргинский луг.

– Нет, мама, я буду расстилать белье на траве, – Елена забрала у Марфы отжатую постилку и расстелила ее на теплой траве с цветущим клевером.

– Жарко, быстро все высохнет. Вот и все мы с тобой управились, — Марфа приобняла невестку, а Елена вдруг заплакала: острая боль внизу живота пронзила и испугала. Марфа кликнула пастуха:

– Беги на конюшню, беги, пусть Василий медичку везет,

Елена рождает.

Елена не кричала, лицо от боли покраснело, акушерка говорила и говорила, но это было где-то далеко, просто голос. Казалось боль невыносимая бесконечна.

– Мальчик, – но сил не было, и Елена ещё не понимала, что ее страдания позади.

Елена проснулась, ее разбудил плач ребенка.

– Лена, сынок есть хочет, пробуй кормить, – Марфа говорила тихо и ласково, он прижимала к груди малыша. Марфа его уже скупала и спеленала.

– Как назовем? Василием?

– Михаилом, – ответила Елена. Марфа промолчала, но поняла: у Арины младший сын Михаил, ему ещё один год.

– Вот и хорошо, пусть будет Миша, – перечить Елене она не могла. Марфа вышла в сени, отец с сыном курили:

– Михаил, – сообщила она им.

– Вот и хорошо, вот и ладно, пусть Михаил.

– Вот и хорошо, пусть будет Миша, – перечить Елене она не могла.

С рассветом Василий младший запряг Ласточку, Василий старший отвязал от двери пуньки старую овчарку Руту, она поспешила в свою будку. Василий накинул цепь на скобу. Марфа пододвинула миску с похлебкой. Рута взглянула на хозяйку и потянулась к миске. Она хлебала громко не отрываясь.

– Сторож проголодался, – засмеялся младший Василий.

– Ладно, берись, – кивнул старший на флягу.

Мужчины погрузили фляги, Марфа положила на подводу мешок с «причендалами» – нарукавники, фартуки, весы гиревые, банки. Ласточка сразу пошла рысью, до карачевского базара километров семь, а для Ласточки это прогулка.

На базаре уже возле их прилавка ждали местные купчихи, они их постоянные покупатели. С шутками – прибаутками торговля шла быстро. Купчихи в шелковых платьях, в шляпках, яркая помада, в туфельках на каблучках, жеманно складывали ручки в кружевных перчатках, брали серебряную ложечку с медом, пробовали, причмокивали и кивали кудрявыми головками, улыбаясь продавцам. Банку с медом подхватывали их спутники, они отходили, продолжая утренний променад вдоль торговых рядов, оставляя шлейф аромата духов и пудры.

Ласточка резво неслась по большаку, повернула на Комуну. Марфа сошла с порога навстречу и по лицам поняла, что торговля удачная. Василий протянул тяжелый мешок с гостинцами:

– Все прошло удачно.

– А Миша поел и спит, давайте мыть руки и к столу, пора обедать для Лены и нам, – торопливо говорила Марфа.

– Там гостинцы для Лены, как она? – спросил Василий младший подставляя руки матери. Она лила ему воду и говорила сыну о новостях, о малыше. Радость пришла в дом.

На Рождество приехал Костя, привез много подарков,

Арина распорядилась в доме устроить танцы. Тося с Мишей и двухлетней Лидочкой наблюдали с печи за молодежью, которая кружилась в вальсе, но скоро народу набилось много.

– Как бы гармониста не затоптали, – хихикала Арина, наливая Павлу чай.

– Да-да народ любит повеселиться не корми ничем, – кивнул Павел, вдыхая аромат чая с блюдца. Он уже за много лет привык к потехам Арины. Теперь и ему были интересны эти неистовые танцы.

– Подошвы стерли.. – Но Арина прервала, – завтра в гости к Ленке с утра запряжешь. Павел посмотрел на большой живот жены, но кивнул: «В гости, так в гости».

Елена смотрела на расписанное морозом окно, искрилось, солнечные лучики через оттаявшие проталинки струились на герань, она опять украсилась красными, розовыми цветами. Малыш спал, Василий пошёл кормить скот, корова скоро отелится. После крещения поедут за поросятами на карачевский базар и салом торговать. Марфа готовила у печки завтрак, там у нее уже что-то кипело, шкварчало, она что-то напевала тихонько. Рождественские праздники, в деревнях народ гуляет. Елена смотрела на морозный узор и думала о жизни. Елена вздрогнула, у Марфы громко упал ящик с ложками и вилками, они со звоном разлетелись по полу.

– К гостям, – засмеялась Елена, малыш заплакал, и она поспешила к колыбели.

– Доставай новый настольник, накрывай стол.

В клубах мороза зашел Василий младший. Повесил шапку и полушубок на гвоздь. Марфа зачерпнула:

– Руки мыть, умываться и переоденься, праздник, сейчас отец придет.

– А ты что? Умываться всем, – она улыбнулась Елене.

За окном слышались голоса:

– Эх, яблочко, да на тарелочке, – гармонь лихо подхватила. Марфа вышла на улицу, Костя уже пел:

– Крутится, вертится голубой...

Павел привязал лошадь, помог сойти с саней жене и детям.

– Вот и гости, – Елена улыбнулась малышу. На столе был уже новый настольник с кружевом, полы застелены новыми половиками. Марфа сняла фартук и поспешила к зеркалу.

Раскрасневшиеся на морозе гости в клубах холода зашли в просторную хату убранную к Рождеству, в углу у окна невысокая, пушистая елка сверкала бусами, шарами и снежинками. Василий принимал полушубки, шапки. Арина приложила ладони к свежепобеленной печи. Дети гурьбой поспешили к елке. Павел стоял у колыбели:

– Закатовский, Вася постарался, ничего нашего, – взглянул на Арину и осекся.

Елена помогала Марфе накрывать на стол, Павел достал из сумки бутылки ситра и вермута.

– Навались, – Костя высыпал из большого кулька на скамью в Красном углу конфеты и пряники, маленькие бублики

с маком. Протянул Елене сверток – обновки. Подал Василию рубаху—косоворотку и папиросы «Казбек», Марфе подарил турецкую шаль.

– А где старший?

В хату вошел старший Василий, направился к Павлу, мужчины пожали друг другу руки, пожал руку Кости, тот вручил ему портсигар с папиросами. Костя заиграл семь сорок, но увидев мать готовую заплакать и растерянный взгляд отца. (Эту песня на всех праздниках играли там в Юзовке).

– Задел за больное, – подумал Костя и громко запел всеми любимую: «Крутится, вертится шар голубой».

Праздник удался с хорошим угощением, потом пели и танцевали, пока решили хватит, пора и отдохнуть. Арина загнала детей на печь и сама полезла. Лена убирала вымытую посуду, Марфа подоила корову и понесла ей поило. Мужчины курили на пороге и толковали о жизни.

– Коллективизацию затеяли, в колхозы будут сгонять, – старший Василий прикурил новую папиросу.

– Да, – помрачнел Павел, – слух ходит.

– Я уже и ульи пчел распродал, а то в колхоз отнимут, один вон за хату перетащил, – Василий зло сплюнул.

– Погонят, еще как погонят, – согласился Павел.

– Мы с Василием Ивановичем взялись бычков выращивать, выпас хороший, да и доход не плохой. Хорошее настроение испортили эти разговором.

Мужчины думали и строили планы, как жить дальше.

– Только обживаться начнешь, только наладишь, а они под корень,—Василий старший разозлился и его визгливый крик испугал Марфу:

– Что ты? Успокойся, соседи слушают.

– Да—да ,—кивнул Павел,— Чему быть, того не миновать.

– Мечтать не вредно – усмехнулась Арина, она вышла на шум.—Отец, домой собирайся, там Серафима наверное все глаза проглядела. Разговоры ее взволновали: «Это что опять с бездельниками делиться, все в одну упряжку?».

Снег искрился, сани шли в разлет, молодой рысак шел рысью. Вдалеке дымились трубы деревень. Арина устала, Лидочка закашляла, капризничала. Тося с Васей спали под овчинным тулупом. Сима увидела в окно Павла, он нес на руках Лидочку,

– Температура, за что же эти напущения?

Арина с детьми шла следом. Костя распрягал лошадь.

– Завари чай с малиной, – прошептал Павел Серафиме.

Лидочка умерла, а у Арины начались преждевременные роды. Павел вернувшись с кладбища сидел за столом с Василием Ивановичем, они молча пили водку.

– Горе-горькое,— хрипло проговорил Павел и слезы застелили его глаза,— Как такое пережить?

Арина лежала за перегородкой, горе холодило лицо, тело болело, душа сжалась в комочек, силы покидали ее крепкое тело. Утром Косте надо было уезжать, он, молча, постоял рядом с отцом: «Поседел, совсем стал седой», —Костя вдруг

увидел отца, которого сильного вдруг скрутило горе.

– Ехать надо, езжай, – кивнул отец и отвернулся к окну, тяжело положив руки на стол. – Береги себя. Вышла Арина и обняла сына.

Утром Павел пришел с магазина, тяжело сел на лавку не раздеваясь.

– Что еще?—взволнованно спросила Арина.

– Маришку с собой взял, тайком отправили, – прохрипел Павел.

Василий младший горевал по Ласточке, ее забрали в колхоз. Беднота с удовольствием записывалась в колхоз «Путь к Коммунизму», зажиточные семьи отдавали коров, лошадей, и плакали ненавидя власть отнявшую их стабильную жизнь, и бедноту.

– Тунеядцев будем кормить, никчёмных выводить в люди – матерился старший Василий.

На собрании начальство назначила председателя колхоза. Василия младшего поставили старшим конюхом на Конный Двор и два бедняка в помощь. Пообещали на неделе привести лес для постройки нового Конного Двора. Старшего Василия поставили пасечником и сторожем и два бедняка в помощь. Елену выбрали в правление звеньевой.

– Ну все, начальники тепереча, по отчеству будут величать, – сказал ехидно громко Иванюхин Иван.

– Кого? Тебя? Голодранца? – взвился Василий старший, –

Может научишься работать!

Василию хотелось подраться, но нельзя, он зло сплюнул и повернул к логу, за ним поспешили сын и невестка. Младший погрозил Ивану ботогом.

– Завтра в теплушке в восемь утра разрядка, не опаздывать, вдвоем с Аниской, – обернулась Елена и строго оглядела с ног до головы Ивана.

В логу трава поднялась до колена вся в цветах, Елена собрала букет из ромашек, колокольчиков и душистой кашки. Порхали бабочки и стрекозы, взвился Чибис и закричал.

– Не лазай там, гнездо потревожишь, – проворчал свекор. Напротив на горке рядами стояли уже теперь колхозные ульи.

– Большая пасека, – усмехнулся свекор, я свои вовремя сбыхал, хоть какие-то деньги, теперь буду колхоз медом кормить.

– Продавать будут, – уверенно заметила Елена.

Марфа увидела в окно мужа с сыном и Елену, – улыбаются, значит не все так плохо, облегченно вздохнула Марфа.

– Сейчас будем обедать, – она посадила на лавку двухлетнюю Шуру и трехлетнего Мишу. Взрослые зашли в хату, над тазом с ковшом теплой воды их уже поджидала Марфа, муж подставил под струю руки. На столе дымилась в большой миске похлебка, а рядом две маленькие мисочки. Запах наваристой похлебки, дети-малыши с ложками в ожидании, когда немного остынет похлебка рассмешили взрослых.

Василий старший взглянул на уже заметный живот невестки, на сына и сказал:

– Ну что, колхозники, будем работать, нам не привыкать.

Елена переделалась за шторами, новую блузку с юбкой положила в сундук, повязала белую косынку не глядя в зеркало, молча села к столу слева от мужа. Василий свекор распахнул окно, аромат высохшего сена и спелого Белого налива ворвался в хату.

Василий присел на стул в коридоре, страх сковал, где-то вдалеке крик Елены и вдруг тишина.

– Папаша, поздравляю, дочь у Вас. Мать в порядке. Василий почувствовал, как страх улетучился и все его тело и душа переполнились радостью. Медсестра протянула записку:

– Это можно в передачу, но завтра.

Ласточка с места взяла в галоп: дома ждут известий, дочка, девки посыпались. Василий был рад, он готов был горы свернуть. Он с Конного двора бежал через лог, через поле конопли, по меже своего огорода. Во дворе стояла подвода, Василий узнал жеребца Павла.

– Что у них там? – подумал Василий.

– Крестины, сын Николай родился у них, – успокоила сына Марфа.

– Кто у Вас? Как Елена? – нетерпеливо Марфа ждала ответа.

– Еще одна внучка тебе, мама, дочку родила Елена, все

хорошо. Василий поспешил в хату.

– Надо бы обмыть, – засмеялся Павел, пожимая руку Василию. А Марфа уже ставила на стол малосольные огурцы, молодую отварную картошку, сало, яичницу. Василий поставил бутылку вина с сургучной пробкой. Василий старший занес ведро яблок, гостинец Арине и детям. Марфа была счастлива, судьба послала Елену, она видела, что сын любит жену и детей, да и Павел сильный, надежный, грамотный, хорошая природа, а Елена в мать сильная, властная и красавица. Марфа помнила рассказ мужа о пришлых людях, которых подвозил в пургу, Василий вспомнил и узнал Павла, но спрашивать нельзя, да и так видно не простые люди. Прижились здесь, не растерялись, вот теперь в колхозы загоняют, добро нажитое трудом отбирают, оставляют ни с чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.